

Чупрынников Сергей Алексеевич**Chuprynnikov Sergey Alekseevich**

доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории, философии и психологии
Кубанского государственного
технологического университета

D.Phil. in History, Professor,
Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПАРТИЙНО-СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА
В 1920–30-Х ГГ.: ОТ ДЕВИАЦИИ
К КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
И ПОСЛЕДУЮЩИМ РЕПРЕССИЯМ
(НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ)**

**REGIONAL SOVIET PARTY ELITE
IN THE 1920S-1930S:
FROM DEVIATION
TO CORRUPTION
AND FURTHER REPRESSION
(A CASE OF KUBAN REGION)**

Аннотация:

В 1920–30-е гг. в Советской России была оформлена региональная партийно-советская элита. В статье рассматривается процесс ее становления на примере Кубани, сопровождавшийся вначале девиантным поведением ее представителей, а затем должностными и коррупционными преступлениями. К середине 1930-х гг. элита стала позволять в своей должностной практике деяния, которые в условиях напряжения и полной мобилизованности страны, в преддверии войны можно было квалифицировать как антинародные преступления. В ситуации острой внутривнутрипартийной борьбы и тех безвинных, кто работал с осужденными представителями региональной элиты или знал их. Они попадали в разряд сообщников и ссылались в лагеря ГУЛАГ. В то же время через репрессию сталинская элита сломала троцкистский проект «мировой революции» и интеграции советской экономики в международное капиталистическое хозяйство и реализовала «социализм в одной, отдельно взятой стране», что в конечном счете привело к политической и идеологической консолидации советского истеблишмента. При этом система не позволяла элите использовать служебное положение в личных целях, заставляла ответственно и эффективно работать и выполнять обязанности согласно требованиям высшего руководства.

Ключевые слова:

партийно-советская элита, региональная элита, должностные преступления, незаконные поборы, пьянство, коррупционные преступления, советский истеблишмент, номенклатура, репрессии, бюрократия, Кубань.

Summary:

The regional Soviet party elite emerged in Soviet Russia in the 1920s-1930s. Elites developed in Kuban region in the context of their deviant behavior followed by official misconduct and corruption. By the mid-1930s, regional elites were found guilty of malpractice that could be classified as a crime against people in the midst of a tense situation and a total mobilization of the country in the run-up to the war. Because of the intra-party strife and the Criminal Code of that time, malpractices stopped being criminal offenses and were regarded as political, anti-Soviet crimes followed by repression such as execution by firing squad. Repression affected innocent people who either worked with condemned regional elites or knew them. They fell into the category of accomplices and were exiled to the GULAG. At the same time, repression allowed Stalin's elite to break down Trotsky project on world revolution and integration of the Soviet economy into the international capitalist economy and implement the project on socialism in a particular country that led to the political and ideological consolidation of the Soviet establishment. However, the elites could not abuse their authority, they had to work effectively and discharge their responsibilities according to the requirements of top officials.

Keywords:

Soviet party elite, regional elite, official misconduct, illegal taxation, excessive drinking, corruption, Soviet establishment, nomenclature, repression, bureaucracy, Kuban region.

Актуальность проблемы девиантного поведения, злоупотреблений, преступлений коррупционного характера и последующих репрессий политической элиты в советском обществе 1920–30-х гг. определяется дискуссионностью и понятийного аппарата, и содержательной составляющей этих явлений. Анализ темы позволит установить причины и последствия перерождения элиты. Целью работы является попытка переосмыслить процесс элитогенеза, выявить своеобразие политической элиты Кубани (Краснодарского края) в 1920–30-е гг. Территориальные рамки работы включают в себя Кубань как специфический регион, в котором элементы девиантного поведения на бытовом уровне и коррупционных преступлений элиты проявлялись особенно ярко. Хронологические рамки статьи: от окончательного установления советской власти на Кубани до репрессий 1937–1938 гг.

В статье учтены достижения как отечественных ученых: А.В. Баранова [1], О.С. Березкиной [2], С.А. Кислицына [3], М.А. Фельдмана [4], в работах которых достаточно полно установлены структура, состав политической элиты, тенденции трансформации элитных групп, их роль в институционализации большевистского режима первой половины 1920-х гг., в том числе и на Юге России (Дон, Кубань, Ставрополье), так и иностранных: Р. Мертона [5], Э. Дюркгейма [6], которые развили понятие и представление об аномии, определили ее свойственность для общества, осуществляющего переход от традиционного к промышленному в условиях смены основных признаков и характеристик социума, выработали теорию аномии как причины девиантного поведения. Вместе с тем вопросы девиантного поведения и правонарушений (преступлений) со стороны партийной, советской, профсоюзной элиты Юга России, в частности Кубани, в послереволюционные годы еще не получили должного освещения.

Если в 1920-е гг. такие проступки и преступления рассматривались в основном на партийных, профсоюзных собраниях, товарищеских судах, то в 1930-е гг. большинство из них квалифицировались как направленные против основ государственного и общественного строя (ст. 58 УК РСФСР), карались уголовными наказаниями и влекли политические репрессии. Поэтому региональная элита, с одной стороны, обоснованно каралась и была безусловно виновной в проступках и преступлениях, а с другой – беспричинно подвергалась политическим репрессиям, так как Советское государство рассматривало любые девиации лишь с политической точки зрения и дополняло другими составами ст. 58 УК РСФСР, что влекло неоправданно тяжкие виды и меры наказания за содеянное. Преступление, совершенное группой лиц, расценивалось как участие в контрреволюционных организациях и по п. 12 ст. 58 осуждалось как антисоветская деятельность.

Проследим последовательно некоторые девиантные и преступные практики региональной элиты в 1920–30-е гг. на архивных материалах Краснодарского края.

Вопросы девиантного поведения местной партийно-советской элиты встали на повестку дня практически сразу же после установления советской власти. Например, в протоколе № 12 общерайонного партийного собрания 3-го района Краснодарской парторганизации 7 сентября 1921 г. «Об исключении Донской комиссией по чистке партии Касаткина (бывшего секретаря Куб-Черобласткама)» выступавшие отмечали: «Тов. Касаткин был замечен в пьянстве с проститутками во время десанта Врангеля. Уклонялся из Отряда особого назначения». И, как итог, постановили: решение правильное [7, л. 38а].

Другой пример. Из доклада областной партийной контрольной комиссии (т. Чуқан) на VII Кубано-Черноморской областной партконференции 16–23 декабря 1923 г.: «...идет процесс разложения среди членов партии и в первую очередь среди руководящих работников. На первом месте стоит пьянство. Парткомиссия распределяет пьянство на 4 части: первые – те, кто пропиивает свой заработок; вторые – которые сами варят самогон; третьи – должностные лица, которые, пользуясь служебным положением, “достаю” бутылку; четвертые – официальная выпивка в честь разных торжеств: именины, отъезд, приезд товарищей и т. п. Пример: один товарищ из ответственных работников, руководитель областной организации в Краснодаре и член областного правления профсоюза, пользуясь своим положением, запрягает лошадь, которая имеется у него в учреждении, и приказывает кучеру везти себя на свадьбу. На свадьбе кучер ждет его четыре часа, товарищ изрядно напивается. В 2 часа ночи велит возвращаться. По приезде вздумал еще покататься по городу. Кучер возражает, завязывается драка, дело доходит до револьверов. Объявили выговор. Не прошло и двух месяцев, как этот же товарищ снова попадает в партийно-контрольную комиссию: он отправился в ресторан, связался с нэпманами, учинил скандал.

Другой случай: три товарища, работающие на водном транспорте, отправились в ресторан. Выпили пару бутылок водки. По дороге встречают гражданина, который оказался им подозрительным, они его задерживают, при этом два раза стреляют в воздух. Тот оказался коммунистом, отправился в милицию, берет милиционеров и задерживает этих пьяниц. Между милиционерами и ними завязывается перестрелка. И только после ранения одного они сдались. Партийно-контрольная комиссия постановила исключить их из партии» [8, л. 56].

Таких случаев пьянства в первой половине 1920-х гг. (в том числе и с перестрелками) было большое количество. «...ПКК <партийно-контрольная комиссия> задавала вопрос себе, почему сейчас наблюдается столько случаев пьянства, но ответ найти не могла. Приходят к ответу, что это старые привычки и традиции. В станицах пьют, потому что нет культурной жизни. Очень многие говорят: “Как можем не пить, когда пили с детства”, хотя и осознают, что это нехорошо. КК относилась к делам по пьянству очень “серьезно” (в кавычки взято автором. – С. Ч.): если рабочие и крестьяне, напиваясь, не совершали особых проступков, то дело оканчивалось выговором, моральным воздействием, “переброской”» [9, л. 54].

Такая «серьезность» по отношению к представителям рабочего класса и «простым» людям наблюдалась и в 1930-х гг. Приведем пример из доклада «О работе Северо-Кавказской железной

дороги и политико-моральном состоянии союзной массы от 9 февраля 1932 г.». Объяснение составителя поездов ст. Новороссийск т. Постригина о неявке на дежурство: «С 15 декабря на 16 декабря я не мог явиться на дежурство ввиду того, что был пьян. Получил получку и встретился с Коваленко, который пригласил меня в ИТРовскую столовую, взял два обеда, вытаскивает пол-литра, наливает. Я стал говорить, что мне на дежурство в ночь. Он сказал, что это не важно, от этой не будешь пьян, и подбил меня. Выпили мы пол-литра, и я почувствовал себя пьяным через мою слабость. Я купил еще литр и свалился с ног. Я сам виноват, даю слово, что такого больше не повторится» [10, л. 130]. Причем такие случаи были не единичными. А действовавшие в то время товарищеско-производственные суды, которые занимались такими случаями, рассматривали дело обычно только через 1–1,5 месяца и выносили решение: или «порицание», или взятие «на поруки». После принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин» дела стали рассматривать быстрее, через 3–4 дня после происшествия.

Нередким явлением были и такие преступления, как взятки. Первый их вид определялся как взятки из-за «материальной необеспеченности». Наиболее часто они встречались в органах милиции. Другой – «злостные» [11, л. 58].

Распространены были и случаи простого очковтирательства. В вышеназванном выступлении представителя парткомиссии приводится такой пример: «Обнаруживается недостача зерна в 300 пудов. Делают акты о “чистке” его, а потом все списывают. Когда посчитали, сколько нужно машин и времени, чтобы действительно “очистить” зерно, то выяснилось, что надо 570 (!) дней, а в актах – вся работа за неделю, и “очистили” 20 000 пудов» [12, л. 56].

Одним из проявлений девиантного поведения было кумовство, когда приезжавший на работу (на должность) пристраивал своих друзей, сватов и пр. Из выступления Голдовича – инструктора обкома ВКП(б): «1/3 совслужащих г. Краснодара составляют родственники, устроенные, минуя биржу труда, по протекции» [13, л. 88]. Усугублялось кумовство назначенчеством, которое появилось после X съезда РКП(б). Именно на этом съезде была взята линия на него по всем направлениям партийной, советской и профсоюзной работы. Назначенчество маскировалось так называемой «рекомендацией» с припиской «обязательно». И если это «обязательно» не выполнялось, то разгонялась целая организация, вплоть до губернского масштаба.

Следует отметить и такой момент, как усиление материально-финансовой дифференциации среди членов партии. Этот факт отмечался в выступлениях на партийной конференции 19–21 декабря 1923 г. [14, л. 128].

Положение с проблемами девиации в условиях нэпа усугублялось запредельной бюрократизацией: «наркомы заседают 2 недели, наркоматы не работают», а о количестве общественных организаций и говорить не приходится: простой трудящийся, а тем более учащийся (в первую очередь – студент вуза) был членом не менее пяти из них. В 1930-е гг. Краснодарскому горкому ВКП(б) пришлось даже принимать постановление об ограничении их числа до трех [15].

Сама бюрократизация стала бичом «живой жизни» и в 1930-е гг. Вот как характеризовала сложившуюся ситуацию периодическая печать того времени: «Крайзо <краевой земельный отдел> в отдельные дни посылало по 1200–1700 бумаг в районы. За четвертый квартал 1939 г. послано в районы 36 тыс. пакетов. Ценность этих “циркуляров” никогда не проверялась» [16].

Анализ архивных источников 1930-х гг. позволяет сделать вывод, что часть региональной элиты, включающей партийных, советских и профсоюзных чиновников, была привлечена к уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционного характера, в нарастающей мере переходящей в политические репрессии.

Это касалось и краснодарской партийно-советской элиты. Приведем некоторые примеры. Они в некоторой степени субъективны (в них имеют место личная неприязнь, сведение счетов и т. п., но открытости, прямоты, нетерпимости к несправедливости, определенной смелости и других черт, еще оставшихся от первых послереволюционных лет, было гораздо больше, чем у элиты более поздних лет), но заслуживают внимания.

Из выступления на собрании горпартактива 21–24 марта 1937 г. прокурора города Краснодара Романова: «...партактив должен знать, что в прошлом году в нашем городе было собрано до миллиона рублей незаконных поборов, и как они израсходованы, до сих пор об этом отчетов нигде не было и никто не скажет... ..эти поборы были с организаций, люди носили не только тысячи, но и десятки тысяч по требованию Бурова (секретарь Краснодарского ГК ВКП(б). – С. Ч.) и председателя горсовета Ивницкого (Л.В. Ивницкий в 1922 г. был председателем КубЧеробл-совпрофа. – С. Ч.)... Собрали 700 тыс. р. на оборудование одного лишь Дворца пионеров. И до сего времени абсолютно никто не сделал глубокой ревизии, куда пошли эти денежки» [17, л. 102]. Правда, в свое «оправдание» о сборе денег на Дворец пионеров Ивницкий сказал, что деньги «собирали не горсовет, а специальный комитет, председателем которого был... Рывкин (первый секретарь Краснодарского ГК ВКП(б). – С. Ч.)» [18, л. 142].

О злоупотреблениях председателя горсовпрофа Мордуховича (организация банкетов, которые в выступлениях назывались «крупными пьянками», сборов денег с профорганизаций по 2,5–3 тыс. р. и др.) говорилось в выступлениях на собрании горпартактива 14–16 января 1937 г. Кстати, именно на этом активе в одном из выступлений его прямо назвали «барин» [19, л. 55, 80 об., 81].

Из Акта комиссии от 27 апреля 1937 г. по проверке обвинений Ивницкого – председателя горсовета рядом членов партии: «...в конце 1936 г. были изготовлены по распоряжению председателя горсовета Ивницкого без согласия на то КИКа (краевого исполнительного комитета. – С. Ч.) казачьи костюмы для Ивницкого, Марченко (с марта 1931 г. по март – апрель 1934 г. – председатель Краснодарского горсовпрофа, затем секретарь одного из городских райкомов ВКП(б). – С. Ч.), Бурова (секретарь Краснодарского ГК ВКП(б). – С. Ч.), Мордуховича – председатель Краснодарского горсовпрофа с апреля 1934 г. по февраль 1937 г. – С. Ч.) и Энгельса (член ГК ВКП(б). – С. Ч.), и стоимость их 3 403 р. оплачена за счет средств управления рынками Горвнупрода, для того чтобы списать эту сумму, с текущего счета Госбанка были взяты фиктивные счета в торгорганизациях, якобы за купленную спецодежду...» и далее: «...для выдачи пособий на лечение было перечислено 25 тыс. р. на личный счет Ивницкого в сберкассе, и распределение их проводилось лично Ивницким. Списка получивших пособия нет» [20, л. 23]. Кроме этого, перечисляется еще ряд других злоупотреблений: нарушение сметной дисциплины, поборы с организаций, рабочих и служащих (на устройство пляжей для детей и парка – 28 113 р.), незаконные аресты счетов предприятий [21, л. 26] и другие (решение о взимании квартплаты, какую не имели права взимать, построение домов Домтрестом и Коммунхозом, которые рушатся, трехдневные очереди на прием и т. д.) [22, л. 42, 43].

Такие проступки и преступления первых лиц были обусловлены аналогичными действиями лиц рангом ниже. На общегородском партийном собрании 20 декабря 1936 г. Краснодара в одном из выступлений отмечалось: «Передо мной решение бюро ГК ВКП(б) о хищениях в системе Пищеторга от 27 сентября. Вы думаете, руководитель Пищеторга Коренев и парторганизация сделали выводы. Нет, после этого хищения растраты, жулики в аппарате только увеличились. Сегодня раскрыли группу в 23 человека, которые разворовали хлеба на 43 тыс. р. Десять заведующих магазинами растратили 27 тыс. р., спекулировали на сумму в 30 тыс. р. Когда Коренева вызвали на допрос в прокуратуру, он сказал: если дадут 6–7 месяцев принудительных работ, то буду отработывать, а если длительный срок, то потяну за собой остальных» [23, л. 42]. Кто эти «остальные» – вопрос риторический.

Вышеуказанные деяния в условиях полной мобилизованности страны и в преддверии войны можно было квалифицировать как противоправные, считавшиеся в то время антинародным преступлением. Заключение проверяющих – снять с работы с дальнейшим расследованием.

Далее эти преступления умышленно квалифицировались следователями как антигосударственные и, соответственно, как политические – антисоветские. Все, кто работал с осужденными представителями номенклатуры или просто знал их, попадали в разряд сообщников и ссылались в лагеря ГУЛАГ. С ними заодно сводили личные счета. Они были безвинно репрессированными. Здесь можно привести многочисленные примеры, часть из которых просто абсурдные. Из выступления в прениях на заседании Краснодарского городского партактива 28 января 1938 г.: «...в Армянском районе исключили из партии Арапетьяна 1909 г. рождения как белого офицера (!) и наряду с этим пришли еще 16 эпизодов (смех в зале). Как он мог быть белым офицером, ведь он 1909 г. рождения... А на самом деле Арапетьян 8 лет работал на цементном заводе, 5 лет служил в рядах Красной армии, имел 7–8 благодарностей» [24, л. 19–20].

Складывающаяся советская политическая система была демократической, но само понятие демократии интерпретировалось с классовых позиций. Господствующим был рабочий класс, с соответствующим содержанием ценностных ориентаций и уровнем политической культуры. Поэтому демократии буржуазных стандартов в тех условиях, с безраздельно господствующим пролетарским менталитетом и бедностью, быть не могло по определению. На наш взгляд, именно с таких позиций оценивал демократию А.И. Микоян, выступая на VII Кубано-Черноморской облпартконференции 16–23 декабря 1923 г.: «...демократия – вещь дорогая, создавать демократическое управление – это значит нести большие расходы» [25, л. 73]. В тот период времени Советское государство позволить себе этого не могло.

Становление региональной партийно-советской элиты в 1920–30-х гг. сопровождалось ее противоправными действиями: от проступков девиантного характера до коррупционных преступлений, которые в условиях 1930-х гг. нередко необоснованно квалифицировались как антигосударственные с идеологической пометой «антисоветские». И если в 1920-х – первой половине 1930-х гг. они, как правило, заканчивались выговорами, взятием на поруки, переброской, то во второй половине 1930-х гг. для борьбы с ними максимально широко использовались меры уголовно-правовой ответственности. Региональная элита, с одной стороны, непрерывно воспроизводилась

и обновлялась, а с другой, чтобы не паразитировала, – репрессировалась. Последнее не позволяло ей превратиться в самодостаточную и самооценную сущность, т. е. в номенклатуру, а заставляло ответственно и эффективно служить своему народу, Советскому государству. За безответственность и неэффективность неизбежно следовало наказание: лагеря ГУЛАГ или расстрел.

Частные примеры изучения репрессий и осмысления их на основе индуктивного метода приводят и к выводу более широкого плана: репрессии привели к тому, что к 1939 г. в основном завершилась консолидация высшего советского истеблишмента – и политическая, и идеологическая. Установившаяся сталинская система управления, в которой основным звеном была персональная ответственность, отвечала своему времени и находилась на достаточно высоком уровне.

Ссылки:

1. Баранов А.В. Трансформации большевистской партийной элиты в раннесоветском обществе (по материалам Юга России) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7, № 8. С. 14–21. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-8-14-21>.
2. Березкина О.С. Революционная элита переходного периода (1921–1927) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 56–80.
3. Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов н/Д., 1995. 103 с.
4. Фельдман М.А. Партийно-советская элита в 1922–1928 гг.: социокультурные характеристики и линии политического поведения // Вопросы управления. 2018. № 3 (52). С. 29–36. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2018-3-29-36>.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е.А. Самарской; ред. пер. М.Н. Грецкий. М., 1966. С. 299–313.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // История социологии XX в.: университетский курс : хрестоматия / рук. проекта И.Е. Покровский. М., 2007. 432 с.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 422. Л. 38а.
8. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 56.
9. Там же. Л. 54.
10. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 3731. Л. 130.
11. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 58.
12. Там же. Л. 56.
13. Там же. Л. 88.
14. Там же. Д. 298. Л. 128.
15. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 259. Л. 6.
16. Большевик. Орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б), крайисполкома. Краснодар, 1940. 11 марта.
17. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 947. Л. 102.
18. Там же. Л. 142.
19. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 944. Л. 55, 80 об., 81.
20. Там же. Д. 859. Л. 23.
21. Там же. Л. 26.
22. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 949. Л. 42, 43.
23. Там же. Д. 756. Л. 42.
24. Там же. Д. 1024. Л. 19–20.
25. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 298. Л. 73.

References:

- Baranov, AV 2015, 'Transformations of the Bolshevik Party Elite in the Early Soviet Society (Based on the Materials from the South of Russia)', *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 7, no. 8, pp. 14-21, <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-8-14-21>, (in Russian).
- Berezkina, OS 1997, 'Revolutionary Transitional Elite (1921-1927)', *Svobodnaya mysl'*, no. 11, pp. 56-80, (in Russian).
- Durkheim, E 2007, 'On the Division of Social Labor', in *History of the Sociology of the 20th Century: University Course: a reader*, Moscow, 432 p., (in Russian).
- Feldman, MA 2018, 'The Party-Soviet Elite in 1922-1928: Socio-Cultural Characteristics and Lines of Political Behavior', *Voprosy upravleniya*, no. 3 (52), pp. 29-36, <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2018-3-29-36>, (in Russian).
- Kislitsyn, SA 1995, *Evolution and Defeat of the Bolshevik Elite*, Rostov-on-Don, 103 p., (in Russian).
- Merton, R 1966, 'Social Structure and Anomia', in *Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)*, Moscow, pp. 299-313, (in Russian).